
Кира Роуз
РАЗВОД.
НАША ДОЧЬ
ВСЁ ЗНАЛА

Кира Роуз
Развод. Наша дочь все знала

https://litres.ru/74741122

Аннотация

— Ты же не разрушишь свадьбу дочери из-за наших взрослых проблем? Улыбайся, — требует муж, сжимая мой локоть.

В зале двести гостей. У алтаря моя дочь, которая, как оказалось, целый год покрывала роман отца с матерью своего жениха — ради денег и квартиры. А теперь мой пока еще муж требует, чтобы я вышла на сцену и с улыбкой объявила о слиянии моего бизнеса с компанией его любовницы.

Они решили, что ради дочери я отдам им дело всей своей жизни и позволю вытирать о себя ноги. Что мне некуда идти. Но в этот момент я даю себе обещание, что я во что бы то ни стало разрушу их идеальный план!

В тексте есть: #измена_мужа #предательство_близких #развод #сильная_героиня #противостояние_характеров #хэппи_энд_для_героини

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

Глава 1. Семь минут до церемонии 4
Глава 2. Ты же не разрушишь мою свадьбу 11
Глава 3. Невеста выходит 19
Глава 4. Новая семья 26
Глава 5. Деньги на счастье дочери 34
Глава 6. Два процента 42
Глава 7. Четыре дня 51
Глава 8. Подпись дочери 59
Глава 9. Мама всё разрешила 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Глава 1. Семь минут до церемонии

— Потерпи до конца вечера. Мама ничего не узнает.

Я замираю, не успев нажать на ручку двери.

За стеной струнный квартет уже играет мелодию, под которую моя дочь Ксения должна выйти к арке. В коридоре пахнет белыми розами, горячим воском и лаком для волос. В наушнике координатор сообщает, что регистратор заняла место, гости рассажены, жених ждёт. До церемонии семь минут, а моя дочь почему-то заперлась с отцом в малой гостиной вместо того, чтобы ждать меня в комнате невесты.

Я пришла за ней сама. Хотела поправить фату и хотя бы минуту побыть рядом без фотографов и подрядчиков. Весь день Ксюша ускользала от меня: то визажист, то подруги, то свадебный ролик. Я не обижалась, ведь я построила для неё этот день сама . Но я была уверена, что вечером у нас останется время побыть наедине и перекинуться хотя бы парой фраз.

Я держусь за холодную латунную ручку, но так и не нажимаю ее.

— Я не могу весь вечер следить за вами, — отвечает Ксения. Она говорит тихо и зло, совсем не тем голосом, которым десять минут назад смеялась перед камерой. — Она уже спрашивала, куда ты пропал. И Лариса всё время рядом.

Лариса?! Внутри все переворачивается. Речь наверняка

про Ларису Воронцову, мать Артёма, женихамоей Ксюши. Женщину, которая сегодня утром принесла мне кофе, обняла и сказала, что мы наконец-то станем одной семьёй.

Вадим вздыхает так, как всегда вздыхал дома, когда дочь начинала спорить.

— Не накручивай себя. После церемонии все разойдутся по столам, у матери работы будет по горло. Она сама решила взять на себя руководство свадьбой, вот пусть и руководит.

Он говорит обо мне так пренебрежительно, будто говорит о нанятых на мимолетную работу грузчиках,

В наушнике трещит голос Светы:

— Марина Викторовна, Ксению нашли? Нам через шесть минут начинать.

Я поднимаю руку к гарнитуре, но вместо кнопки задеваю серьгу. Застёжка больно царапает кожу, и эта мелочь помогает мне остудить пыл. Я решаю не врываться с ходу в комнату, а послушать разговор до конца.

— А если она увидит вас вместе? — Ксения уже не злится, она торопится. — Пап, я серьёзно. Сегодня она на всех так подозрительно смотрит. Я боюсь, что она заметит.

— Не увидит. — В голосе Вадима появляется раздражение. — Я тоже. После свадьбы я сам всё ей скажу.

Мимо пробегает официант с подносом. Ложечки позвякивают о чашки, одна салфетка сползает к краю. Парень замечает меня у двери и замедляется, но я делаю знак не останавливаться и идти дальше.

В голове все еще эхот отдается фраза: "После свадьбы я сам всё ей скажу".

Вадим выбрал слово «скажу» — а, значит, решение уже принято, и о нём знают мой муж, моя дочь и, судя по тому, как Ксения произносит её имя, Лариса.

Я нажимаю кнопку гарнитуры.

— Света, задержи выход на две минуты. Пусть музыканты повторят вступление. Ксения со мной.

Голос не подводит. Координатор отвечает коротким «поняла», а я остаюсь возле двери, за которой моя семья пытается аккуратно разместить предательство между церемонией и банкетом.

— Ты обещал поговорить с ней раньше, — произносит Ксения. — Потом сказал, что после помолвки. Потом — когда подпишут квартиру. Теперь после свадьбы. Ты опять передумаешь?

Слова дочери помогают разложить все по полочкам. Это не просто мимолетная ссора и не случайная слабость. Они уже обсуждали все это раньше. Помолвка. Квартира. Свадьба. Они обсуждали, когда мне удобнее сообщить, что моей семьи больше нет.

Вадим подходит ближе — я различаю шорох пиджака и глухой стук телефона о стол.

— Я не передумаю. Сегодня всё закончится, слышишь? Но если ты сейчас устроишь сцену, пострадает Артём. Выйдешь к нему с таким лицом и мать начнёт задавать вопросы,

Лариса дёрнется — и всё. Потом собирай гостей обратно сама.

— Не трогай Артёма, — просит Ксения тише. — Он вообще ничего не знает.

Вадим смягчает голос:

— Вот и не надо ему знать сегодня. У вас будет свадьба. Поедете в путешествие, вернётесь в новую квартиру. А мы с твоей матерью разберёмся без вас.

Ещё утром он стоял рядом со мной у зеркала, пока я застёгивала платье, и спрашивал, взяла ли я запасные туфли. В машине держал мою ладонь на коробке передач, потому что заметил, как я волнуюсь. За завтраком назвал Ларису назойливой и посмеялся, что она переживает за рассадку больше невесты.

За дверью щёлкает балконная створка. В гостиную входит кто-то ещё, и я узнаю голос прежде, чем она заговорит:

— Вы до сих пор здесь? Вадим, нас ищут.

Лариса говорит негромко, без праздничной суетыъ. Никаких «Мариш», никаких смешков, никакого волнения матери жениха. Только уверенность женщины, которая имеет право распоряжаться моим мужем.

Я наклоняюсь к узкой щели между дверью и косяком. Створка прикрыта не до конца; в большом зеркале видны все трое.

Ксения стоит боком. Плечи подняты, букет прижат к животу, несколько локонов выбились из причёски. Вадим ря-

дом с ней выглядит безупречно: тёмный костюм, серебристый галстук, бутоньерка из белой розы. Её я приколола ему сама сорок минут назад.

Лариса подходит и поправляет эту розу. Не спрашивает, не касается осторожно, как посторонняя. Пальцы скользят под лацкан, разглаживают ткань на груди, а Вадим наклоняется к ней, чтобы было удобнее. Их взгляды встречаются в зеркале. Он первым вспоминает о дочери и отступает, но запаздывает на долю секунды.

— Я просила вас хотя бы сегодня, — Ксения отворачивается. — Мама сама всё здесь делала. Если она увидит...

Лариса перебивает её, возвращая лицу знакомое выражение заботливой, немного уставшей женщины:

— Марина сейчас думает только о церемонии. Ты же знаешь её. Когда она работает, перед ней можно дом вынести, она заметит только криво поставленный стул.

Прошлым летом она говорила, что завидует моей собранности. На Новый год подарила ежедневник с надписью «Женщине, которая держит на себе все». Месяц назад плакала на примерке Ксюшиного платья и сжимала мою руку, пока наши дети смотрели друг на друга в зеркале.

Я чувствую как мои пальцы дрожат, а внутри све переворачивается. Я убираю пальцы, чтобы не выдать себя стуком. Хочется войти, сорвать с Вадима цветок, спросить Ларису, когда она решила, что может приходить в мой дом, есть за моим столом и ждать удобного момента, чтобы занять моё

место.

Но музыканты снова начинают вступление. В гарнитуре Света предупреждает, что регистратор уже вовсю смотрит на часы. На площадке сидят двести восемьдесят гостей, среди них клиенты, журналисты, партнёры агентства. Артём ждёт под аркой и пока ещё не знает, почему его невеста прячется вместе с родителями.

Я остаюсь снаружи ещё несколько секунд.

— Иди, Лар, — просит Вадим. Такой интонацией он никогда не обращался к ней при мне. — Я приведу Ксюшу. Вечером всё будет как договорились.

Лариса смотрит сначала на него, потом на дочь. Перед выходом касается локтя Вадима — коротко, привычно, почти по-семейному.

Когда балконная дверь закрывается, Ксения резко выдыхает и кладёт букет на стол. Несколько лепестков падают на тёмное дерево. Я сама заказывала эти пионы в Голландии, потому что дочь хотела именно такой холодный молочный оттенок.

— Я больше так не могу, — признаётся она. — Каждый раз кажется, что мама посмотрит на меня и всё поймёт.

Вадим поднимает букет и вкладывает обратно в её руки. Со стороны это могло бы выглядеть как трогательная сцена отца и невесты перед церемонией.

— Осталось несколько часов. Ты справишься.

Ксения не берёт букет сразу. Она смотрит на отца, буд-

то ждёт отмены решения или хотя бы разрешения перестать лгать. Вадим ничего не даёт, только сильнее прижимает стебли к её ладоням.

— Несколько часов? — переспрашивает она, и голос срывается. — Пап, я уже год молчу.

Глава 2. Ты же не разрушишь мою свадьбу

Я открываю дверь раньше, чем Вадим успевает ответить.

Ксения отшатывается. Букет ударяется о край стола, один пион ломается у самого стебля и падает на пол. Вадим медленно убирает руку с её локтя. За стеной оркестр продолжает играть вступление.

— Мама... — Ксения смотрит на меня, потом на дверь за спиной. В её лице на миг появляется надежда, что я услышала не всё. — Ты давно здесь?

Я поднимаю сломанный цветок. На пальцах остаётся влажная пыльца. Мне нужно занять руки, иначе я вцеплюсь кому-нибудь в волосы.

— Год, Ксюша? Ты знаешь об отце и Ларисе год?

Вадим отвечает первым:

— Марина, сейчас не время.

Он говорит будничным тоном, которым останавливает спор на совещании.

— Выйди. Мне нужно поговорить с дочерью, --- резко обрываю его я.

Он оценивающе оглядывает меня, будто прикидывая можно ли меня оставить наедине с моей же дочерью.

— У вас три минуты. Потом Ксения должна выйти.

Остальное обсудим вечером.

Я замечаю загнувшийся листок бутоньерки, но вместо привычного движения сильнее сжимаю сломанный стебель.

— Я сказала выйди! Или я выйду первой и скажу гостям, почему именно невеста задерживается.

Вадим проводит языком по внутренней стороне щеки — он делает так, когда его прижимают и он не знает как поступить в ответ. Вадим наклоняется к дочери, но Ксения даже не смотрит на него.

— Успокой мать. Не дай ей наломать дров.

Она вздрагивает: отец оставляет её одну. Я не мешаю ему. Рядом с Вадимом дочь будет ждать защиты и поддержки.

— Две сотни гостей не должны становиться участницами ваших проблемы, — бросает он у двери.

Я закрываю за ним и поворачиваю замок. Ксения остаётся посреди гостиной в платье, на которое я вчера ночью пришивала бусину. Фата лежит рядом со сломанным пионом. Сейчас я жду только того, что она мне скажет.

— Мам, ты не так поняла, — начинает дочь торопливо. — Да, у папы с Ларисой что-то есть, но они давно хотели сказать. Он просто ждал подходящего момента.

Я кладу пион на стол. Ксения выдерживает несколько секунд.

— Папа сказал, что вы давно живёте каждый своей жизнью, — торопится Ксения. — Что всё закончилось ещё до Ларисы. Ты просто не хотела ничего менять перед моей сва-

дьбой.

— И ты поверила ему, не спросив меня?

Дочь вскидывает голову.

— А как я должна была спросить? — Ксения говорит всё быстрее. — «Мам, папа спит с матерью моего жениха, ты в курсе?» Ты бы устроила скандал. Всё рухнуло бы ещё тогда.

— В феврале мы вдвоём летали в Сочи. В мае отмечали двадцать четыре года со дня знакомства. В какой момент тебе показалось, будто между нами все кончено?

Мокрые стебли оставляют на юбке зелёный след, но Ксения даже не пытается его вытереть.

— Я не держала свечку у вас в спальне, — выдыхает дочь. — Папа говорил, что ты всё понимаешь и просто делаешь вид. Что после свадьбы вы спокойно разведётесь.

— А ты, значит, помогала ему в этом?

Ксения отступает, будто я толкнула её. Обида исчезает; теперь ей приходится защищать уже собственный выбор.

— Я защищала свою семью! — Ксения произносит это слишком громко и сама пугается своих же собственных слов. Следующую фразу она выдавливает кже гораздо тише: — Нашу с Артёмом. Папа оплатил квартиру. Он сказал, если я расскажу, то он отменит сделку и не даст денег на свадьбу. У нас не было такой суммы. Ты знаешь, сколько всё стоит...

Я считала, что Вадим купил квартиру из собственных накоплений, и не лезла в его дела.

— Он купил твоё молчание квартирой? — Я заставляю

себя сдерживаться, чтобы не закричать. — Ты год обсуждала со мной платье и цветы, а Лариса сидела рядом. Вы знали, а я выбирала свечи на ваш общий стол.

Ксения закрывает глаза и сильнее стискивает букет; вода со стеблей капает на ковёр.

— Я хотела признаться после помолвки. Потом папа показал квартиру, Артём уже выбирал кухню... А папа сказал, Лариса сорвёт свадьбу.

— Артёму двадцать шесть. Его мать не может запретить ему жениться.

Я жду, что дочь согласится хотя бы с этим, но она упрямо вскидывает голову.

— Ты её не знаешь, — выпаливает дочь.

— Видимо, и правда не знаю, --- роняю я, изо всех сил сохраняя контроль, --- Хотя три года считала своей подругой.

Ксения ставит букет и закрывает ладонями зелёный след.

— Я попросила их хотя бы сегодня держаться подальше. Разве это значит, что я на их стороне? Я просто хотела нормально выйти замуж.

В наушнике раздаётся голос Светы:

— Марина Викторовна, регистратор даёт три минуты. Артём спрашивает, всё ли в порядке.

Я отключаю микрофон. На миг передо мной вместо нынешней Ксении возникает семилетняя девочка только что разбившая вазу и сильно перепугавшаяся на этот счет.

— Артём знает?

— Нет. — Дочь подходит ближе, но останавливается на полпути. — Мам, пожалуйста. Если ты сейчас скажешь, он уйдёт. Он решит, что я такая же, как они. Я не изменяла ему. Я только хотела свадьбу, квартиру, нормальное начало семейной жизни. Разве я так много просила?

Её взгляд падает на моё кольцо. Утром Ксения сама попросила надеть его: «Оно счастливое», говорила она.

— Ты просила меня прожить этот год в чужой лжи. А теперь хочешь, чтобы я вывела тебя к алтарю и улыбалась женщине, которая спит с моим мужем.

— Я хочу, чтобы ты потерпела один вечер. — Слова вырываются, Ксения сразу прижимает ладонь ко рту. — Прости. Я не это хотела сказать.

Внизу Артём ждёт под аркой, не зная, о чём договорились его мать, будущий тесть и невеста.

— Ты выйдешь к нему только после того, как скажешь всё.

Ксения хватает меня за запястье обеими руками.

— Нет, мам. Потом. Я сама скажу, только не перед церемонией. Ты же не разрушишь мою свадьбу из-за того, что папа... из-за ваших взрослых проблем.

Последняя фраза звучит почти как Вадим. Я разжимаю её пальцы. Ксения плачет уже открыто.

— Моих взрослых проблем? Ты год участвовала в них, Ксюша.

Электронный замок пищит. Дверь открывается снаружи: запасную карту я сама отдала Вадиму утром.

Он входит, смотрит на часы, на тушь дочери и на меня. Он смотрит так, будто ему сорвали тщательно выстроенный порядок.

— Хватит. Ксения идёт на церемонию. Мы с тобой закончим после банкета.

Вадим протягивает дочери руку, но она смотрит на меня, прося снова исправить последствия.

— Артём должен знать до регистрации, — говорю я.

Муж опускает руку, оглядывается на дверь и подходит ближе. — Ты хочешь ударить меня и готова сделать это дочерью. Я понимаю, что ты зла. Но сначала проведёшь свадьбу, ради которой Ксения жила последний год.

— Последний год она жила рядом со мной и врала.

Ксения опускает голову. Вадим замечает это и тут же забирает себе её страх.

— Потому что боялась потерять семью, — начинает Вадим резко, но, заметив лицо дочери, меняет тон. — Не превращай её страх в преступление.

Он не смотрит Ксении в глаза. Весь его страх сейчас сосредоточен на собственном расписании.

— Выйди. Я ещё не закончила.

— А я закончил. — Он показывает телефон с сообщениями регистратора, распорядителя и Артёма. — Через минуту люди начнут вставать. Здесь журналисты, партнёры, твои клиенты. Хочешь, чтобы они узнали, почему невеста не вышла?

Он ждёт, что последствия вернут меня в привычное русло. Моя работа нужна ему, чтобы я молчала.

— Я хочу, чтобы Артём не женился, не зная, что его мать спит с отцом невесты.

Ксения всхлипывает. Вадим закрывает глаза: я произнесла это вслух.

— Церемония состоится. Потом можешь кричать, подать на развод, выставить мои вещи. Но если сейчас устроишь сцену, свадьба сорвётся, Ксения останется без мужа. И без квартиры — договор ещё не закрыт.

Дочь резко поворачивается к нему.

— Ты сказал, квартира уже наша.

Вадим разглаживает большим пальцем погасший экран, выигрывая секунду. Ксения перестаёт плакать. Ей тоже знакома эта пауза.

— Документы будут готовы после свадьбы, если всё пройдёт нормально.

Ксения впервые смотрит на отца без прежней веры. Он оставил сделку незавершённой, чтобы она молчала.

— Вот почему ты ждал. Тебе нужно было, чтобы мы обе оказались здесь и не смогли уйти.

Вадим задерживает на мне взгляд и снова становится спокойным.

— Мне нужно, чтобы вы перестали делать из личной истории катастрофу для всех окружающих.

За дверью стучат. Света зовёт меня уже без отчества. Му-

зыка оборвалась; слышен гул гостей.

Перед дверью Вадим оглядывает Ксению и меня. Пауза затягивается: он приготовил ещё один удар.

— И ещё одно, Марина. На банкете будет объявление. Мы с Ларисой объединяем компании. Документы подготовлены, пресса приглашена. Ты выйдешь с нами на сцену как руководитель агентства и подтвердишь сделку.

Я двадцать лет строила агентство. Теперь имя Ларисы уже лежит в документах рядом с моим.

Вадим открывает дверь. За его плечом стоят Света, визажист и фотограф с опущенной камерой.

— Улыбнись, — добавляет муж шёпотом. — Сегодня ты мать невесты. Всё остальное — завтра.

Глава 3. Невеста выходит

— Улыбнись, — повторяет Вадим уже громче, для тех, кто стоит за дверью. — Сегодня ты мать невесты.

Света первой утыкается в планшет. Визажист прижимает к груди кисти, фотограф проверяет камеру, хотя экран давно погас. Сотрудники не знают, что случилось в гостиной, но слышат приказ мужа привести лицо в порядок. Вадим оставляет дверь открытой: при свидетелях я должна говорить тише и быстрее соглашаться.

Я смотрю на часы. До церемонии меньше двух минут. — Света, музыканты начинают с первого такта, — распоряжаюсь я, включив гарнитуру. На первом слове я сипну и прокашливаюсь. — Фотограф идёт в зал. Ольга остаётся с Ксенией и поправляет макияж.

Ксюша вздрагивает от спокойного «с Ксенией». Я снимаю с фаты зелёную нитку от сломанного пиона, пока визажист промакивает дочери щёки. Мне легче смотреть на кружево, чем на девушку, которая год выбирала платье рядом со мной и знала, чью руку её отец сжимает после наших семейных ужинов.

— Я сам её выведу, — произносит Вадим из дверей. — Так было запланировано.

Я закрепляю фату на причёске дочери, не позволяя ему приблизиться. На пальце ещё саднит царапина от стебля. —

Нет. Ты сегодня уже достаточно сделал по своему плану.

Муж хочет ответить, но в коридоре появляется Михаил Гордеев. Обычно хозяин отеля начинает разговор с перегруженной электролинии или декораторов, снова занявших служебный лифт. Сегодня он сначала смотрит на Ксюшины глаза, затем на Вадима и только потом на меня. Замечает раскрытую дверь, сломанный цветок на столе и сотрудников, которые слишком старательно заняты работой.

— Регистратор подождёт ещё три минуты, — сообщает он. Никаких вопросов не задаёт. — Марина, Светлана проведёт церемонию. Я закрою боковой проход для камер, вы сможете уйти через служебный выход.

Он предлагает возможность исчезнуть без нового зрелища и обходится без жалости. Даже не приближается, оставляя между нами достаточно места. Вадим при этом расправляет плечи: чужое предложение уйти удобно подтверждает его версию — жена не справилась.

Я смотрю через распахнутые двери. В дальнем конце зала стоит Артём. Он улыбается гостям, но уже в четвёртый раз проверяет часы. Парень, который каждое воскресенье приезжал к нам на завтрак, советовался со мной о кольце и пока единственный из четверых ничего не знает.

Если я остановлю церемонию сейчас, правду он услышит под сотнями телефонов. Через полчаса запись окажется в сети, раньше — в чатах гостей. Я не могу решить за него, что делать с Ксенией после этого. Но превращать его первую

встречу с предательством в публичное представление не позволю.

— Спасибо, Михаил Андреевич. Я остаюсь.

Михаил принимает ответ сразу. Только переводит взгляд на мою гарнитуру, будто проверяет, действительно ли я способна работать. — Тогда задержу подачу закусок и уберу прессу с прохода. Десять минут у вас есть. Потом кухня начнёт терять блюда.

Звучит почти как наш обычный спор о тайминге. Поэтому я могу кивнуть, не опасаясь, что лицо рассыплется. Михаил отводит Свету в сторону, меняет несколько распоряжений и уходит, не требуя благодарности и не оглядываясь.

Вадим ждёт, пока Михаил отойдёт, и только тогда наклоняется ко мне. — Не вздумай говорить Артёму до регистрации.

Я расправляю кружево на плечах дочери и встречаюсь с ней взглядом в зеркале. Ксения сразу смотрит на визажиста. — Ещё одно указание, и я начну именно с него, — отвечаю мужу. — Иди в зал.

Он отступает лишь потому, что по коридору проходят опоздавшие гости. Через несколько секунд его шаги растворяются в музыке.

Когда визажист убирает кисти, я стираю влажную дорожку возле Ксюшиного носа. Дочь на миг закрывает глаза, как в детстве, когда позволяла вытащить занозу. — Ты скажешь Артёму? — спрашивает она почти без голоса.

Я задерживаю пальцы на краю фаты. — Не перед двумястами восьмьюдесятью гостями.

Ксения сразу выдыхает, принимая ответ за новую отсрочку, и торопится закрепить её: — После церемонии я сама всё объясню. Мам, пожалуйста, только дай нам сегодня...

Я останавливаю дочь, пока просьба не превратилась в новое условие. — Сегодня уже не будет таким, каким ты его придумала. И делать вид я не стану.

Света появляется в дверях и показывает: пора. Ксения берётся за букет, замечает сломанный пион и пытается спрятать его среди остальных. Я вытаскиваю цветок, но он цепляется за ленту. Дочь тянет букет к себе.

— Оставь, мам. Никто не увидит.

Ксения сжимает ленту поверх моей руки. Мы обе понимаем, что говорим уже не о пионе. Я разжимаю руку и отдаю букет таким, какой есть.

У входа в зал ждёт Вадим. По сценарию он должен вести дочь к арке. Муж протягивает ей согнутую руку, не глядя на меня, и Ксения машинально делает шаг.

Я встаю между ними, перекрывая Вадиму путь к дочери. — Я выведу её сама.

За спиной Вадима распахиваются двери, свет ложится на тёмный костюм, десятки голов поворачиваются в нашу сторону. Он уже не может оттащить меня или спорить. Несколько секунд Ксения стоит между нами, а затем медленно берёт меня под руку.

Вадим остаётся у двери, а мы выходим под музыку. Первый шаг у Ксении слишком короткий; каблук цепляет дорожку, и дочь сильнее опирается на меня. Я замедляюсь, подстраивая шаг. Если она упадёт, я всё равно удержу. Тело помнит материнство даже тогда, когда я ещё не решила, что делать с дочерью дальше.

По обе стороны поднимаются телефоны. В первом ряду Лариса прикладывает пальцы к губам, изображая волнение. Рядом уже сидит Вадим — прошёл боковым коридором и теперь улыбается гостям. Между ними оставлено моё место с табличкой «Мама невесты».

Артём смотрит только на Ксению и, забыв о гостях, делает шаг навстречу, хотя регистратор просит ждать. Дочь видит это и крепче прижимается к моей руке. Она любит его. От этого лишь страшнее: любящий человек тоже способен решить, что правда помешает его счастью.

У арки Артём берёт Ксению за обе руки, замечает покрасневшие глаза и наклоняется, чтобы микрофон не поймал вопрос: — Что случилось?

Ксения отвечает раньше, чем я успеваю решить, остановлю ли новую ложь. — Ничего, — торопливо произносит она, поднимая на него глаза. — Я просто переволновалась.

Первую фразу будущему мужу она произносит, не глядя ему в лицо. Артём ждёт подтверждения от меня, но регистратор уже начинает церемонию, а за спиной Света показывает: прямой эфир включён.

Я отхожу к первому ряду. Вадим приподнимается, пропуская меня на оставленное место, однако я сажусь через проход, рядом с бабушкой Артёма. Пустое кресло между мужем и Ларисой остаётся на виду. Вадим не может позвать меня, не прервав церемонию, и только стирает большим пальцем влагу с бокала, к которому ещё никто не прикасался.

Регистратор говорит о доверии и обещании не скрывать друг от друга ни радость, ни беду. Этот текст я сама согласовывала. Когда приходит очередь Ксении, она сбивается и просит подсказать начало. Артём улыбается, шепчет первые слова. Гости принимают заминку за волнение.

— Я обещаю быть с тобой честной, — произносит дочь. На слове «честной» её взгляд срывается в мою сторону, но до меня не доходит. Ксения смотрит на пустое кресло рядом с отцом и сразу возвращается к жениху.

Артём отвечает без бумажки. Он путает подготовленную фразу и признаётся, что красивой речи у него не получится. Зато он обещает всегда сначала спрашивать Ксению и лишь потом верить чужим словам. Гости смеются тепло. Дочь сжимает его пальцы так сильно, что костяшки белеют.

Главный вопрос регистратор задаёт в полной тишине. Ксения отвечает «да» после короткой паузы. Артём — сразу. Они ставят подписи, обмениваются кольцами, и дочь не промахивается только потому, что он сам направляет её дрожащую руку.

Когда молодожёны целуются, загораются холодные фон-

таны и с потолка опускаются белые лепестки. Я сама выбирала высоту искр, чтобы Ксюша не испугалась. Теперь она стоит внутри созданной мной красоты и плачет на плече мужа.

Мне нужно подойти первой, поздравить их, дать фотографам семейный кадр. Я делаю шаг, и Ксения замечает меня. На лице появляется просьба, затем страх. Она отворачивается и крепче обнимает Артёма, оставляя меня перед камерами одну.

Я всё равно подхожу. Поздравляю обоих, целую Артёма в щёку и прошу увести жену на несколько минут, дать ей воды. Ксения ждёт продолжения, но я уже возвращаюсь к Свете и собираю рассыпавшийся тайминг. Гости направляются к шампанскому, официанты открывают террасу, квартет меняет музыку.

Михаил появляется возле технической стойки и ждёт, пока я закончу распоряжения. Он собирается спросить о дополнительном перерыве, но ведущий поднимается на сцену раньше положенного. В руках у него карточка с золотым тиснением, которой не было в утверждённом сценарии.

— Дорогие друзья, не спешите покидать зал! Родители молодожёнов подготовили особенный подарок. Сегодня он навсегда объединит Ксению и Артёма — и обе семьи.

За его спиной загорается огромный экран.

Глава 4. Новая семья

Экран белеет секунду. Гости разворачиваются к сцене, официанты замирают у дверей. Света листает сценарий: после регистрации должна быть фотосессия, никаких подарков здесь нет. — Кто добавил номер? — спрашиваю я, заслонив ладонью микрофон гарнитуры.

В планшете сообщение Вадима: в двенадцать сорок он подтвердил, что всё согласовано со мной. Тогда муж принёс воду и сказал: «Я всё проверил, Мариш». Пока я пила, он распорядился от моего имени.

На экране буква S из логотипа агентства соединяется с золотой V площадок Ларисы. Под ними появляется: «Sokolova &Vorontsova Event Group».

Гости аплодируют, принимая две фамилии за продолжение свадьбы. Мои сотрудники переглядываются: логотип они тоже видят впервые.

Света держит палец над кнопкой связи с ведущим. — Остановить?

Вадим и Лариса уже идут к сцене. Муж не ищет меня: знает, где я стою, и уверен, что при гостях промолчу. Я киваю Свете на планшет. — Запиши выступление и сохрани его сообщение.

Я снимаю гарнитуру. Михаил замечает меня и остаётся возле пульта, откуда увидит любую попытку отключить звук.

— Сегодня наши дети создали семью, — начинает он после выверенной паузы. — А мы решили сделать следующий шаг вместе с ними. Агентство «Соколова» и сеть площадок Воронцовой начинают объединение.

Лариса поворачивается к нему на слове «вместе». За их спинами сменяются фотографии моих свадеб, поверх каждой уже стоит новый знак. Мои работы стали рекламой чужого решения.

Вадим приглашает Сергея Карпова из «Астер Групп». Весной тот расспрашивал меня о прибыли, а муж назвал его заказчиком. Теперь Карпов говорит о покупке доли после объединения, камеры снимают рукопожатие. Завтра моё несогласие назовут семейной местью.

Ксения подходит ко мне. — Мам, про компанию я не знала, — шепчет она, не отрываясь от экрана.

Я верю её растерянности. Но вчера дочь позволила отцу обмануть меня и теперь удивляется, что он не остановился. — Тогда начни спрашивать, что подтверждаешь, когда соглашаешься с ним.

Со сцены зовут молодожёнов. Ксения принимает руку Артёма и уходит, снова не задав отцу вопроса.

Ведущий объявляет фотографию «новой большой семьи». Между Вадимом и Ларисой оставляют место для меня.

— Марина, поднимайся, — зовёт муж. Он продолжает улыбаться, но опускает микрофон. — Не заставляй всех ждать.

Люди освобождают проход. Если я останусь внизу, Вадим объяснит моё отсутствие сам. Пока я молчу, он может говорить моим голосом.

На сцене Лариса с улыбкой уступает место рядом с мужем. Я прохожу мимо протянутой руки Вадима и встаю возле Ксении.

Ведущий спрашивает, какую роль я займу в новой группе. Муж отвечает без паузы:

— Марина станет креативным директором и продолжит работать с парами. Она всегда была сердцем нашего творческого направления.

Гостям оставляют красивое название, мне — свадьбы и улыбки клиентам. Управление и деньги Вадим уже распределил с Ларисой.

Когда ведущий поворачивается ко мне, муж не отдаёт микрофон. Наклоняется ближе, сохраняя улыбку для фотографов. — Скажи, что рада. Остальное обсудим дома.

Ксения слышит. Раздражение на мою реакцию исчезает; дочь впервые замечает, как отец распоряжается мной при всех. Я протягиваю ладонь. — Передай микрофон.

Вадим качает головой едва заметно. Со стороны мы похожи на супругов, обменявшихся шуткой.

Михаил поднимается со стороны технической стойки. Ведущий протягивает ему запасной микрофон, решив, что хозяин отеля тоже хочет поздравить молодых. Михаил проверяет звук и подаёт его мне. — Это вам, — говорит Михаил и

отходит, не вставая рядом защитником и не говоря за меня.

В зале стихает шум. Карпов не улыбается. Первая фраза выходит хриплой, приходится начать заново. — Этот логотип я вижу впервые. Согласия на объединение агентства с компанией Ларисы Воронцовой не давала. Документы не подписывала и переговоры о продаже не вела.

Вадим тянется ко мне, но между нами стоит Ксения. Оттолкнуть дочь на камеру он не решается. — Марина переволновалась, — говорит муж в свой микрофон. — Стратегию мы обсуждали дома. Просто момент выбрали неудачный.

Михаил жестом запрещает технику выключать мой звук. Я не жду, пока Вадим продолжит. — Момент выбрал ты. И обсуждал всё не со мной.

Он приближается и, забыв о микрофоне, произносит тише: — Подумай о Ксении.

Снова прячется за дочерью. Я смотрю на Ксюшу рядом с Артёмом, который перестал улыбаться. Их тайну перед камерами я не раскрою, но новую ложь не приму. — Свадьбу я провела. Всё, что ты просила от меня сегодня, уже получила.

Дочь молчит на вопрос Артёма. Вадим понимает: удерживать меня свадьбой больше нечем.

Я снимаю кольцо. Из-за отёка приходится медленно прокручивать ободок на виду у всего зала. Под металлом остаётся светлая полоса. Я кладу кольцо на ладонь мужа. — О сделке поговоришь с моим адвокатом. О разводе тоже.

Вадим машинально сжимает пальцы. Из колонок продол-

жает играть праздничная музыка, на экране улыбаются наши дети, а под фотографиями вращается новый логотип.

Я отдаю микрофон Михаилу и спускаюсь. Он возвращает праздник в движение: открываются двери террасы, официанты несут шампанское. Но моё имя слышится у каждого второго столика.

За кулисами меня догоняет Ксения. Она собирает юбку обеими руками и едва не врезается в стойку с аппаратурой. — Ты обещала не разрушать свадьбу, — выговаривает она, задыхаясь. — Зачем сняла кольцо перед Артёмом и всеми?

За перегородкой ведущий шутит о семейных сюрпризах. Официанты протискиваются мимо, и Ксения прижимает платье к стене. Я жду, пока они пройдут. — Я не сказала, с кем твой отец собирается создать новую семью. Не назвала вас лжецами. Я отказалась подтвердить сделку, которой не существует.

Дочь понижает голос, когда рядом проносят поднос: — Теперь Артём всё равно спросит. Лариса скажет, что ты специально устроила это сегодня.

Я не позволяю ей снова сделать любовницу отца пострадавшей стороной. — Она стояла рядом с моим мужем и показывала гостям компанию, созданную за моей спиной. Что именно я должна была для неё сохранить?

Ксения не успевает ответить. Вадим идёт к нам со сцены, уже не оглядываясь. Кольцо ещё у него. — В кабинет, — требует он, открывая служебную дверь.

Я остаюсь на месте. Муж замечает официантов и меняет тон: — Нам нужно поговорить без публики. Ты уже достаточно сделала.

Ксения первой входит в кабинет, надеясь отменить последствия. Я иду следом: дочь должна услышать, что отец приготовил на её свадьбе.

В кабинете Вадим кладёт кольцо рядом с папкой документов. — Ты представляешь, сколько стоит твоя выходка? — Он раскрывает папку. — Карпов приехал ради объявления. Переговоры шли четыре месяца. Ты поставила под угрозу сделку и будущее Ксении.

На верхнем листе новый логотип и моя фамилия под должностью креативного директора. Место для подписи пустое. — Четыре месяца ты договаривался о продаже моего агентства. Когда собирался сообщить?

Вадим выдёргивает бумагу из моих рук, но при дочери старается говорить спокойнее. — Агентство давно переросло мастерскую, где ты выбираешь ленточки. Я нашёл инвестора. Ты получила бы деньги и работу, которую любишь.

Он превращает мои слова в согласие. Я строила агентство сама и не давала мужу права выбирать, какую часть оставить мне. — А Лариса что получила бы? — спрашиваю я. — Кроме тебя.

Ксения застывает. Вадим переводит взгляд на дочь: я всё-таки произнесла это вслух, пусть без камер. — Личное обсудим дома, — говорит он глухо.

Я подталкиваю кольцо обратно к нему. — Дома тебя не будет.

На секунду он теряет приготовленный ответ. Потом замечает Ксению и снова находит нужное давление.

— Хочешь развод — подавай. Но подумай, кто оплатил торжество и квартиру молодых. Если сорвёшь сделку, обещаний, которые я дал дочери, тоже может не стать.

Ксения резко выпрямляется и отступает от стола, словно только сейчас увидела в отце чужого человека. — Ты опять угрожаешь квартирой?

Вадим больше не старается звучать мягко. — Я предупреждаю о последствиях. Марина решила перечеркнуть работу нескольких месяцев и сохранить все подарки.

Свадьбу мы частично проводили как рекламные расходы, но квартиру он называл личным подарком и не позволил мне внести половину. — Как моя подпись под сделкой связана с квартирой? Ты купил её на свои деньги.

Вадим закрывает папку и выравнивает по краю стола. Ксения узнаёт эту паузу: после такой он уже признался, что квартира ещё не оформлена. — Первоначальный взнос перечислен со счёта агентства, — произносит муж. — Так было выгоднее.

Я вспоминаю перевод, подписанный месяц назад. Вадим назвал его авансом новой площадке и торопил до конца банковского дня. Я не проверила сумму: доверяла мужу и финансовому директору в одном лице.

Он пододвигает ко мне кольцо, будто возвращает вместе с ним обязанность молчать. — Квартиру дочери оплатила твоя компания, Марина. И если ты развалишь сделку, деньги придётся вернуть.

Глава 5. Деньги на счастье дочери

— Квартиру дочери оплатила твоя компания, Марина. И если ты развалишь сделку, деньги придётся вернуть.

Вадим подвигает кольцо по столу, но я не беру его. За стеной ведущий просит гостей наполнить бокалы, из кухни тянет горячим хлебом. Банкет идёт по расписанию, а муж уже обсуждает последствия так, будто самый спорный вопрос — кто заплатит за мою выходку.

— Открой платёж, — прошу я. Голос садится, приходится повторить: — Сейчас. Покажи, куда ушли деньги.

Он накрывает ладонью папку и сдвигает моё кольцо к краю, освобождая место для бумаг. Раньше после ссор прятал его в карман. Сегодня оно ему мешает.

— Завтра сядем с бухгалтером. Ты устала, Ксения на нервах. Здесь всё равно ничего не решим.

Ксюша смотрит на отца. От слёз тушь собралась в уголках глаз, но слова о квартире отрезвили её быстрее холодной воды.

— Ты сказал, что сам заплатил, — напоминает она. Начинает уверенно, потом запинается: — Из своих денег. Ты именно так говорил.

Вадим поворачивается к дочери всем корпусом, заслоняя от неё папку. Он привык успокаивать Ксюшу раньше, чем она успеет сформулировать претензию.

— Какая разница, с какого нашего счёта ушёл платёж? Квартира ваша. Деньги остались в семье.

Я открываю банковское приложение. Связь в служебном крыле слабая, экран долго крутит загрузку. Вадим тянется к телефону, будто хочет помочь найти нужную строку, но я отхожу к окну.

— Если всё осталось в семье, тебе нечего от меня закрывать.

Нужная сумма видна сразу: двенадцать миллионов четыреста тысяч. Деньги ушли ООО «Верона Парк» как аванс за мероприятия. Лариса рассказывала за нашим столом, что через эту фирму оформляет площадку. Я тогда ещё обрадовалась, что они с Вадимом нашли общий язык.

— «Верона Парк» принадлежит Ларисе? — Я разворачиваю экран к мужу.

Вадим берёт папку и выравнивает смятый угол. Ксюша следит за его руками и первой понимает, что короткого «нет» не будет.

— Компания в её группе, — признаёт он. — Через неё удобнее было проводить сделку.

Дочь ставит букет на диван. Фата цепляется за ножку стула, но Ксюша даже не замечает.

— Квартира на кого оформлена?

Вадим снова предлагает перенести разговор. Ксюша не отступает, только спрашивает тише, словно боится испортить ответ громким голосом.

— На нас с Артёмом? Ты же дал ключи. Мы мебель выбрали.

— Ключи никто не забирает. — Он пытается коснуться её плеча, но дочь отходит, поправляя ровно лежащую фату. — Собственник пока «Верона Парк». После закрытия сделки квартира перейдёт вам.

В коридоре звенит посуда. Ксюша прижимает ладони к животу. Вчера она присылала мне фотографии кухни; всё это время выбирала отделку в квартире, которая принадлежит любовнице её отца.

— После той сделки, о которой ты объявил на сцене? — спрашиваю я.

Под переводом стоит моя электронная подпись. Я вспоминаю сообщение Вадима: «Аванс новой площадке, срочно до пяти». Я ехала на монтаж, открыла только сумму и ввела код.

— Ты сама подтвердила платёж, — говорит муж, заметив, куда я смотрю.

Я удерживаю телефон экраном к нему.

— Ты прислал его под другим назначением.

Ксюша переводит взгляд с него на меня. Приоткрывает рот, снова закрывает и наконец цепляется за единственное, что пока не отняли — квартира всё-таки куплена для них.

— Мам, но деньги пошли на квартиру. Ты сама хотела помочь. Какая теперь разница, через какую фирму папа всё оформил?

На счёте остался резерв на зарплаты и ближайшие свадьбы. Вадим собирался закрыть дыру деньгами инвестора. Он связал перевод с объединением так, чтобы я не могла потребовать деньги обратно, не ударив по сотрудникам и Ксении.

— Разница в том, что отец соврал нам обеим. Мне — о платеже. Тебе — о квартире.

Ксюша поворачивается к Вадиму раньше, чем он успевает вмешаться.

— Ты обещал, что после свадьбы она будет нашей.

— И будет, — отвечает он, но конец фразы уже жёстче. — Если мать не начнёт блокировать счета и оспаривать перевод.

Дочь снова смотрит на меня. Вадим положил квартиру между нами и отступил, чтобы мы сами потянули её каждая в свою сторону.

— Мам, пожалуйста. Хотя бы не сегодня. Мы завтра улетаем, Артём ничего не понимает. Если ты заморозишь деньги, что я ему скажу?

Я выключаю микрофон гарнитуры, чтобы фразу не услышали в зале.

— Начни с того, что знала об измене его матери год.

Ксюша оглядывается на дверь. За ней проходят официанты, и дочь сразу понижает голос.

— Ты правда хочешь всё рассказать сейчас? Ты на папу злишься, я понимаю, но... квартира тут при чём? Это наш

дом.

Я киваю на телефон в своей руке.

— Пока это собственность Ларисы.

— Потому что документы ещё не закончены! — вырывается у дочери. Она прикусывает губу, а Вадим молчит: ему выгоднее, чтобы Ксюша сама выбила из меня обещание. — Папа всё оформит. Он не оставит нас без жилья.

Ксюша произносит это и сразу смотрит на отца, ожидая подтверждения. Он молчит. Год назад ей уже хватило его слова, чтобы не спросить меня; теперь повторить тот же выбор вслух труднее.

— Ты уже всё испортила на сцене. — Ксюша вытирает щёку тыльной стороной ладони и размазывает тон у виска. — Артём спрашивает, что происходит. Если ещё и квартиры не будет, что вообще останется от этой свадьбы?

В гарнитуре, забытой на столе, Света зовёт меня к подаче горячего. Агентство, из которого вывели деньги, всё ещё проводит праздник, а я всё ещё отвечаю за каждую тарелку.

— Иди к мужу, Ксюша. Я закончу свадьбу. Больше сегодня ничего тебе не обещаю.

Ксюша ждёт, что отец остановит её или хотя бы повторит обещание о квартире. Вадим молчит. Дочь подхватывает юбку и выходит, оставив сломанный пион возле дивана.

Я меняю пароль от банковского кабинета. Муж замечает уведомление на экране и резко захлопывает папку.

— Не трогай платежи до утра. У нас зарплаты и два круп-

ных мероприятия. Навредишь прежде всего себе.

Он произносит «себе», хотя утром ещё называл агентство нашим. Я сохраняю выписку и отправляю на личную почту.

— У тебя был месяц объяснить мне, что ты сделал. Теперь не указывай, когда мне можно это проверять.

Света сообщает, что повара держат блюда уже семь минут. Я ухожу первой. Вадим остаётся: ему ещё нужно вернуться к Ларисе и показать, что моё кольцо ничего не изменило.

До конца вечера я работаю: меняю столик ребёнку с аллергией, останавливаю шутку ведущего о «слиянии семей». Когда Ксюша смеётся рядом с Артёмом, она сначала проверяет, смотрю ли я.

После полуночи молодожёны уезжают. Перед машиной дочь обнимает меня для камер. Осторожно, будто одновременно боится моего отказа и настоящей близости.

— Не забирай у нас квартиру, — шепчет она мне в волосы. — Хоть до возвращения ничего не делай.

Фотограф просит повернуться к свету. Ксюша отпускает меня раньше, чем я отвечаю, и садится к Артёму. Он машет через стекло. Дочь смотрит прямо перед собой.

После отъезда гостей боль в ногах проступает разом. В зале пахнет остывшим кофе и свечным дымом. Я стою у сцены с ноутбуком и не могу вспомнить, куда положила зарядку.

— В административной переговорной есть подходящая, — говорит Михаил у меня за спиной.

Я оборачиваюсь слишком резко. Он останавливается, за-

метив, как я прижимаю ноутбук к груди, и показывает на служебный коридор.

— Там тихо. Нужен будет принтер — скажите администратору.

Он не спрашивает, почему я не еду домой, и от этого мне приходится собираться дольше обычного.

— Спасибо. Я освобожу через час.

Михаил смотрит на сцену, где рабочие сворачивают баннер с фамилией Ларисы.

— Когда закончите, тогда и освободите.

В переговорной холодно. Я снимаю туфли и открываю выписку. Кроме двенадцати миллионов нахожу ещё два платежа «Верона Парк» за услуги, которых в календаре нет. Единственная владелица фирмы — Лариса Воронцова.

Ирина Белова отвечает со второго раза. Она оформляла агентство ещё в нашем первом офисе над салоном красоты.

— Марина? Я видела видео. Ты где?

Я пересылаю выписку и сообщение Вадима. Ирина просит ничего не блокировать без консультации, но немедленно менять доступы и проверить корпоративную почту.

Непрочитанное уведомление прячется между отчётами со свадьбы. Внеочередное собрание участников назначено на девять утра.

— Они могут провести его без меня?

Ирина отвечает после паузы:

— Ты уведомлена. Приезжай обязательно. У тебя сорок

девять процентов, у Вадима столько же. Остальные два — у Ксении. Помнишь дарение?

Я помню: восемнадцатилетняя Ксюша ела клубнику над документами и смеялась, что теперь сможет мирить нас голосованием. Я сама подарила ей эти два процента, чтобы никто из нас не мог вытолкнуть другого из общего дела.

— Ксюша не станет голосовать против меня, — произношу я по привычке, хотя на экране уже открывается вложение.

В доверенности Вадиму разрешено голосовать от имени Ксении по любым вопросам компании. Внизу стоит сегодняшняя дата — день её свадьбы — и подпись моей дочери.

Глава 6. Два процента

В девять без десяти мой пропуск не открывает дверь агентства.

Я прикладываю карту ещё раз. Красная лампочка загорается сразу. За стеклом Лена поднимается от стойки администратора, но охранник Сергей выходит из-за перегородки.

— Марина Викторовна... — Он смотрит на карту в моей руке и не договаривает. — Доступ изменили. Мне велели провести вас в переговорную.

Сергей работает у нас пятый год. Я была на крестинах его дочери. Сейчас он держит дверь закрытой и ждёт, что я сама облегчу ему задачу.

— Кто распорядился?

Охранник оглядывается на камеру. В общем зале уже почти все на местах.

— Вадим Сергеевич. Сказал, после собрания будет новый порядок.

Лена прикладывает свой пропуск раньше, чем Сергей успевает её остановить. Открыв дверь, она сразу отступает.

— Архив закрыли в семь утра, — шепчет она, когда я прохожу. — Пароли уже другие.

В открытом офисе слышно каждое слово. Сотрудники смотрят в мониторы, но никто не печатает.

Ирина догоняет меня у лестницы. Дверь моего кабинета

распахнута.

Лариса сидит за приставным столом, её сумка лежит на моём кресле. Вадим стоит у окна. Ксюша сидит на краю дивана с торопливо собранными волосами и кольцом. Она не предупредила, что приедет.

— Мам, только не начинай сразу, ладно? — Дочь встаёт, но остаётся возле отца. — Давай подпишем всё, и потом поговорим. Папа сказал, это полчаса.

Я ставлю сумку Ларисы на пол. При юристах она промалчивает. Сажусь за свой стол и кладу перед Ксюшей доверенность.

— Ты её читала?

Дочь не берёт лист. Кожа возле ногтя содрана почти до крови.

— Папа объяснил. Это чтобы я не ездила на каждое собрание. Потом отменим.

Я не убираю документ.

— После чего?

Ксюша смотрит на Вадима. Он отвечает за неё, не отрываясь от папки:

— После регистрации объединения. Не дави на неё, она всю ночь не спала.

Я разворачиваю документ к дочери и показываю пункт без срока.

— Он может голосовать твоими двумя процентами по любому вопросу. Снять меня, продать активы, взять новые дол-

ги. Отзови доверенность сейчас. Квартиру будем разбирать отдельно.

На слове «квартира» Ксюша берёт лист и переворачивает страницу, словно обещание могло оказаться сзади.

— Пап, а договор на квартиру где?

Вадим закрывает папку. Вчера после такой паузы выяснилось, что жильё принадлежит фирме Ларисы.

— Банк ещё не дал финальное согласование. Сначала утверждаем сделку, потом снимаем залог.

Ксюша мнёт край листа.

— Ты говорил, после голосования она будет нашей.

Ксюша произносит это без прежней уверенности. Вадим забирает бумагу из её рук, будто документ только сильнее её пугает.

— И будет. Просто не в ту же минуту. Ты хочешь сорвать всё из-за формулировок, которых не понимаешь?

Ксюша краснеет и садится, пряча содранную кожу под ладонью. При юристах она боится признаться, что не поняла документ.

Лариса обращается к секретарю, хотя говорит для Ксении:

— В протоколе укажите, что квартира выводится из залога после первого транша инвестора. Тогда к этому больше не придётся возвращаться.

— Почему этого не было вчера? — спрашивает дочь.

Лариса отвечает не сразу.

— Потому что у тебя была свадьба. Мы не хотели грузить

тебя работой.

Ксюша вздрагивает: её голос нужен для сделки, а дела всё равно считают чужими.

Ирина требует перенести собрание: проект объединения нам не дали. Юрист Вадима вносит возражение в протокол. Я смотрю на дочь: решение ещё можно остановить звонком нотариусу.

— Ксюша, посмотри на меня.

Она поднимает глаза не сразу. Вадим кладёт ладонь на спинку дивана, и дочь выпрямляется.

— Если хочешь отдать ему голос, скажи сама. Без квартиры и его обещаний. Скажи, что согласна снять меня и передать ему управление.

— Я не хочу тебя снимать, — отвечает Ксения слишком быстро. — Мам, почему ты всё так... Папа сказал, ты останешься. Он будет заниматься бумагами, а ты свадьбами. Ты ведь терпеть не можешь финансы.

Вадим отворачивается к окну, но сжимает папку. Именно так он всё ей объяснил: мама продолжит делать то, что любит.

— Я двадцать лет управляю этой компанией. Нанимала людей, брала кредиты, вытаскивала нас после кризисов. Ты правда думаешь, что я здесь только цветы выбирала?

Дочь не успевает ответить: Вадим перебивает.

— Начинаем. Семейный разговор затянулся.

Секретарь читает первый вопрос: прекращение моих пол-

номочий из-за утраты доверия и репутационного ущерба. Девушка, которую я приняла три месяца назад, запинается на моей фамилии.

Ирина требует указать: «ущербом» считают мой отказ подтвердить неизвестную мне сделку. Пока секретарь исправляет строку, из кофейного аппарата капает вода. Ещё вчера я бы поднялась и поправила резервуар.

Мои сорок девять процентов голосуют против. Вадим поднимает руку за. Остаётся голос дочери.

Юрист начинает зачитывать доверенность. Ксюша дёргается, услышав своё имя.

— Пап, подожди. — Она встаёт, задев сумку ногой. — Ты говорил, сначала квартира.

Вадим смотрит на секретаря. Ему важнее, чтобы голос попал в протокол.

— Всё подпишем. Сядь, Ксюша. Не устраивай ещё одну сцену.

Эту фразу он вчера говорил мне. Ксюша остаётся стоять, и я жду, что она попросит паузу. Лариса подвигает ей стул и напоминает, что банк ждёт до десяти.

Ксюша садится.

— Представитель Ксении Вадимовны голосует за прекращение полномочий Марины Викторовны, — фиксирует юрист.

Пятьдесят один против сорока девяти.

Я сама подарила дочери эти два процента, чтобы однажды

они защитили нашу семью. Теперь моего подарка хватает, чтобы вывести меня из собственного кабинета.

Ксюша смотрит на меня, всё ещё пытаясь отделить голосование от себя.

— Мам, это только должность. Ты всё равно останешься. Папа обещал.

Вадим проводит своё назначение генеральным директором, затем закрывает мне доступ к счетам и внутренним системам. Когда секретарь читает слово «немедленно», Ксюша перестаёт повторять про временную формальность.

— Ты говорил, она будет работать как раньше, — обращается дочь к отцу. Он уже обсуждает с юристом банковские подписи.

Вадим ставит подпись под следующим решением.

— Марина будет работать, если перестанет всё ломать из принципа.

Он кладёт передо мной договор: высокая зарплата, должность креативного директора, работа с ключевыми клиентами и запрет три года открывать своё агентство. Финансы, решения и новые концепции остаются компании.

— Марин, давай без нового спектакля, — произносит Вадим, садясь напротив. Уверенность возвращается вместе с протоколом. — Работай с парами. Я сниму с тебя всё, в чём ты никогда не хотела разбираться. Через месяц сама успокоишься.

Лариса подвигает календарь ближайших мероприятий. На

полях уже стоят её пометки.

— Клиентам сейчас нельзя узнать, что ты уходишь, — говорит она осторожно, будто обсуждает больного родственника. — Поработаем вместе, люди привыкнут. Потом снизишь нагрузку.

Я переворачиваю календарь пометками вниз.

— А моё имя на вывеске вам тоже нужно, пока люди привыкают?

Лариса задерживает ладонь на календаре.

— Бренд знают. Глупо выбрасывать то, что работает.

Ксюша подходит с другой стороны стола и подвигает договор ближе, будто ещё сантиметр бумаги сможет вернуть всё назад.

— Мам, останься. Потом разберётесь. Если ты уйдёшь, он скажет, что это ты всё бросила.

Вадим подвигает ручку, которой я подписывала первые контракты. Значит, уже успел перебрать мои ящики.

Если соглашусь, сотрудники получат привычное утро, Ксюша — отсрочку, Вадим — моё лицо перед клиентами. Я же останусь в кабинете с пометками Ларисы в моём календаре.

Я закрываю договор и возвращаю ручку в ящик.

— Нет. На вас я работать не буду.

Вадим ждал торга. Отказ на секунду сбивает его, потом он нажимает кнопку внутренней связи. Ксюша тихо произносит моё имя, но я уже собираю вещи.

Сергей приходит с сотрудницей кадров. Я беру ежедневник, очки и фотографию Ксюши с первого выпускного: у неё ещё нет двух передних зубов, а я удерживаю её возле себя перед общим снимком.

— Марина Викторовна, я могу написать заявление, — говорит Лена у порога, прижимая к груди папку. Глаза у неё красные.

Несколько сотрудников поднимаются. Вадим выходит следом и останавливается у стеклянной перегородки.

— Никто сегодня не увольняется, — прошу я. — У вас зарплата через неделю и мероприятия в календаре. Сначала получите свои деньги.

Распоряжение мне уже не принадлежит, но команда слушает. Вадим не спорит: инвестору нельзя показывать пустой офис.

У двери я отдаю пропуск. Створка открывается с карты охранника. Уже снаружи слышу голос Ларисы через неплотно закрытую дверь кабинета:

— Табличку поменяйте сегодня. Фамилию Соколовой снимите до встречи с Карповым.

Кто-то отвечает, что мастер сможет приехать после обеда. Лариса просит пока закрыть надпись новым логотипом.

Через стекло я вижу, как Лена поднимается на стремянку и прикладывает золотую полосу поверх моего имени. Руки у неё дрожат, край ложится криво. Лариса подходит и сама разглаживает наклейку ладонью.

Глава 7. Четыре дня

За стеклянной дверью Лена снова проводит ладонью по золотой полосе, пытаясь приклеить её ровно поверх моей фамилии. Лариса что-то говорит ей из кабинета. Слов я уже не слышу.

Коробка с личными вещами упирается краем в живот. На верхушке лежит фотография Ксюши с выпускного, под ней мой ежедневник. Стакан с ручками Сергей сложил боком, и одна выкатилась в коридор. Я наклоняюсь за ней, проверяю колпачок и убираю к остальным. Только после этого иду к лифту.

Телефон звонит, когда двери уже закрываются. На экране — Михаил Гордеев.

— Марина Викторовна, сможете сегодня приехать в отель? У меня есть предложение по мероприятиям.

За его голосом слышны рации и мужские голоса. Он тоже посреди рабочего дня. Я прижимаю коробку бедром к стенке лифта.

— Если хотите предложить мне кабинет из сочувствия, Михаил Андреевич, лучше не начинайте.

Шум в трубке отдаляется: он куда-то выходит.

— Сочувствие у меня в договор не помещается. У меня пустуют четыре пятницы до конца сезона и две субботы после отмен. Вам нужна площадка. Если собираетесь дальше

работать, приезжайте.

Вот это уже похоже на Гордеева.

— Через сорок минут буду.

В отеле после свадьбы нет ни пионов, ни лент на лестницах. В холле пахнет кофе и средством для пола, горничные перекатывают тележки к лифтам. Михаил ждёт в небольшой переговорной возле банкетной службы. На столе лежат загрузка залов и два экземпляра договора.

Он сразу открывает страницу с цифрами. Отель даёт зал, кухню, мебель, базовый текстиль и техническую смену. Я привожу клиентов, веду проект и отвечаю за подрядчиков.

Ставка за техников выше той, которую моё агентство платило ещё вчера.

— Здесь тариф для внешних организаторов.

Михаил даже бровью не ведёт.

— Вы сейчас внешний организатор.

Я беру его ручку и обвожу цифру.

— Тогда убирайте эксклюзив. За такие деньги я приведу своих.

Он садится напротив. Дальше мы спорим о ночном монтаже, электричестве, пробковом сборе и часах демонтажа. На базовом текстиле уступаю я: склад отеля действительно обходится дешевле проката. Михаил добавляет два часа на демонтаж, когда я показываю расчёт по людям.

На проценте с банкета он упирается.

— Десять, — отрезает Михаил и закрывает ладонью стро-

ку с процентом, когда я снова тянусь к ней ручкой.

Я оставляю цифру в покое и перевожу ручку ниже. Если он не двигается здесь, нужно забрать своё в другом месте.

— Тогда электричество до сорока киловатт входит в ставку.

Михаил сразу понимает, куда я повернула торг. Он смотрит на меня тем же тяжёлым взглядом, которым месяц назад провожал нашу световую ферму в служебный зал.

— После вашего последнего монтажа у меня техник едва инфаркт не получил.

— Он был седой до меня, — напоминаю я и всё-таки подвигаю договор обратно к нему. — Сорок.

Михаил всё-таки усмехается, но ручку мне не отдаёт и спор продолжает.

Через двадцать пять минут на полях почти нет свободного места. Я перечитываю условия расторжения и нахожу штраф за отмену менее чем за семь дней.

— Этот пункт работает в обе стороны. Если отель отменяет площадку, вы возвращаете клиенту аванс и оплачиваете перенос.

— Я за неделю площадки не отменяю, — произносит он, перечитывая пункт.

Я оставляю ручку поверх договора. После вчерашнего мне уже мало чьего-то «я так не делаю». Если обязательство настоящее, оно переживёт подпись.

— Тогда вам нечего терять.

Михаил подписывает первым. Я проверяю последнюю страницу и замечаю ещё одну вещь.

— Кабинета в договоре нет.

Он даже не пытается подсластить ответ.

— И не будет. Переговорная свободна — работайте. Понадобится постоянное место, посчитаем отдельно.

Я ставлю подпись. Здесь хотя бы написано, кто кому сколько должен.

Телефон вибрирует. Незнакомый номер тут же присылает сообщение: «Марина Викторовна, пожалуйста, ответьте. Это Дарья Зорина».

Дарью я помню. Сто двадцать гостей. Садовая церемония. Свадьба через четыре дня.

— Марина Викторовна, мне утром позвонили из агентства, — начинает она так быстро, что задыхается. — Сказали, наш проект закрывают и предложат новый пакет. Декоратора меняют, ведущего тоже. Я отказалась. Я с вами всё делала.

Я открываю календарь, хотя дату помню.

— Дарья, договор у вас с агентством. Я там больше не работаю.

В трубке что-то шуршит, потом мужской голос просит Дарью дать ему телефон. Она отвечает ему вполголоса и снова возвращается ко мне.

— Уже расторгли. Папа разбирается со штрафом. Мне сейчас плевать на деньги. Вы можете провести свадьбу?

Через стекло вижу, как Михаил останавливается у двери. Он услышал дату.

— Старую концепцию я повторить не смогу. У меня нет смет, схем и доступа к поставщикам. Площадку тоже придётся менять.

Дарья молчит несколько секунд. Рядом мужчина просит дать ему трубку.

— Мне нужна свадьба, на которой я узнаю то, что мы с вами полгода готовили. И вы. Остальное поменяем.

Я поворачиваю к себе календарь Гордеева. Суббота свободна.

— Через час приезжайте сюда с женихом. Берите все документы и переписку, которые у вас сохранились.

Михаил уже вызывает банкетного менеджера. Никаких поздравлений. Он спрашивает количество гостей и сразу предупреждает, что кухня за четыре дня полностью новое меню не соберёт.

— Дарья его не меняла. Два горячих, холодные закуски, десертная станция. Основные позиции я помню, — говорю я и уже ищу в памяти, какой гарнир жених просил заменить после дегустации.

Михаил на секунду прикрывает микрофон ладонью.

— Вы правда помните меню каждой свадьбы?

За вчерашний день у меня отняли кабинет, доступы и право входить в агентство. Память пока никто заблокировать не успел. Я открываю заметки и отвечаю короче, чем хочется:

— Своей работы — да.

Он задерживает на мне взгляд и продолжает звонок.

Света приезжает раньше Дарьи. Входит с рюкзаком, кладёт на стол заявление об увольнении и только потом садится.

— Я утром написала. Потом испугалась. У меня ипотека. Хотела пересидеть месяц, пока всё успокоится. А сейчас Лариса сказала переделать Дашин проект без вас и объяснить клиентке, что так даже лучше.

Она кусает губу, злится на себя за дрогнувший голос. Я не трогаю заявление: принимать его теперь должен Вадим.

— Если уйдёшь сегодня, расчёт могут задержать, — предупреждаю я. Отговаривать её ради собственной команды было бы слишком удобно.

Света кивает, но заявление не убирает.

— Знаю. Вы лучше скажите... у вас работа вообще есть? Или я просто красиво лишилась зарплаты?

Она пытается усмехнуться и тут же стирает улыбку. Ипотека никуда не делась вместе с её принципами. Я разворачиваю к ней календарь.

— Через четыре дня свадьба. Аванс будет после договора. Красиво точно не получится.

Света фыркает уже по-настоящему и достаёт ноутбук.

Лена появляется через полчаса. Её никто не звал. Она приносит список личных контактов подрядчиков, который вела ещё до общей CRM.

— Корпоративное я не копировала, — предупреждает она

с порога. — И заявление уже отдала. Вадим Сергеевич сказал, если уйду к вам, обратно не возьмёт.

Она делает вид, что ей всё равно, но куртку так и не снимает. Я даю ей время.

— До вечера можешь передумать.

Лена кладёт телефон рядом со Светиным ноутбуком.

— Если останусь, завтра буду звонить вашим клиентам от имени Ларисы. Нет, спасибо.

К двум приезжают Дарья и жених. К шести у нас готовы новый договор, рассадка и список того, что можно сохранить без старых файлов. Я беру телефон и звоню флористу, с которым работала девять лет.

Он сбрасывает. Через минуту приходит сообщение: «Марина, извини. Не возьму».

Второй флорист отказывается сразу. Потом аренда мебели. Свет. Транспорт. Типография сначала считает карточки, через двадцать минут перезванивает и внезапно оказывается занята.

К восьми возле фамилий девяти постоянных подрядчиков стоят кресты.

Лена разговаривает с прокатчиками посуды, потом медленно кладёт телефон.

— Они тоже отказались. И сказали, чтобы вы позвонили Игорю по свету.

Игорь отвечает с первого гудка.

— Марин, только не проси меня сейчас о дружбе. Мне

сегодня письмо пришло. Всем пришло.

Я встаю и отхожу к окну. Света перестаёт печатать.

— Какое письмо?

Игорь тяжело выдыхает.

— От группы Воронцовой. Кто выходит на твои мероприятия, того убирают из пула её площадок. У меня там половина сезона. Я людей без зарплаты оставлю.

Он торопится объяснить ещё что-то про аренду склада, но я уже смотрю на список. Девять крестов становятся понятнее.

— Я поняла. Спасибо, что сказал.

После звонка в переговорной тихо. За стеклом Михаил заканчивает совещание и замечает, что никто из нас больше не работает.

Света разворачивает к себе список.

— Четыре дня.

Я беру ручку и перечёркиваю колонку с привычными поставщиками.

До свадьбы четыре дня. Площадка есть, рядом Света и Лена, а все люди, которым я годами звонила в любой аварийной ситуации, только что получили вескую причину больше не брать мои заказы.

Глава 8. Подпись дочери

Света всё ещё смотрит на список, когда дверь переговорной открывается. Михаил заходит с планшетом, замечает красные кресты и останавливается возле стола.

— Что случилось?

Я разворачиваю к нему лист.

— Лариса предупредила подрядчиков. Кто работает со мной, больше не получает заказов на её площадках.

Михаил читает фамилии, возвращает лист и садится с края стола. Уже почти десять вечера.

— Значит, завтра часть этих людей позвонит мне и спросит, собираюсь ли я выбирать сторону.

Света напрягается. Она ушла из агентства несколько часов назад и уже ждёт второй закрытой двери. Я тоже слишком быстро готовлюсь услышать, что договор придётся расторгнуть.

Михаил открывает планшет.

— До какого часа вам нужна переговорная?

Я не сразу понимаю вопрос.

— До полуночи, — отвечаю я, всё ещё ожидая продолжения.

Михаил листает график, будто разговор идёт о загрузке зала.

— Кухня принимает поставки с семи. Если используете

наш текстиль и мебель, в шесть тридцать встретимся с банкетной службой. Пришлите список того, чего не хватает.

Света перестаёт смотреть на список отказов и впервые за несколько минут открывает ноутбук. Я тоже только сейчас понимаю: Михаил не собирается отменять договор.

— Вы письмо Ларисы не боитесь получить?

Михаил поднимает взгляд.

— Получу — прочитаю. Договор с вами я подписал сегодня.

Он уходит. Света выдыхает и тянет к себе план зала.

— Ладно. Если проката нет, что у них здесь своё?

Я стираю половину прежней концепции. Дарья хотела садовую церемонию: лёгкие стулья, длинную цветочную дугу, стеклянные столы. За четыре дня такую картинку без привычных подрядчиков мы испортим.

— Убираем сад. Завтра идём по отелю и смотрим всё, что можно использовать без аренды.

Лена открывает фотографии зимней галереи: большие растения, латунные фонари, много стекла. Для банкета она мала, для церемонии подходит.

Я передвигаю схему. Цветы понадобятся только на столы и букет. Остальное можно собрать светом, тканью и тем, что уже есть у отеля.

В одиннадцать сорок отправляю Дарье новую схему. Ответ приходит почти сразу: «Если вы уверены, делайте».

Утром Михаил встречает нас в зимней галерее с техником и начальником банкетной службы. Пространство уже, чем на плане. С одной стороны стекло, с другой белая стена, между ними стоят кадки с фикусами и два больших лимона.

Я прошу ещё двадцать четыре стула. Михаил предлагает серые из конференц-зала. Света смотрит на них и молча кривится.

На закрытой летней террасе стоят деревянные складные стулья. После дождей часть нужно подтянуть и просушить.

— Сколько целых? — спрашиваю техника.

Он обещает проверить сорок. Нам нужно тридцать два.

Возле белой стены Михаил останавливает меня, когда я предлагаю пустить гирлянды.

— Здесь датчики. На стену ничего не крепим, — предупреждает Михаил и показывает на два белых корпуса под потолком.

Я смотрю на пустую стену, потом на ширину прохода. Гирлянда была самым простым решением, но упираться в неё ради картинки бессмысленно.

— Тогда ставим свет снизу.

Михаил просит техника принести рулетку и сам отмеряет проход. После первого замера качает головой: стойки съедят слишком много места. Мы спорим над одним метром пола минут пять, пока я не двигаю растения к стеклу и не освобождаю узкую полосу.

К обеду новая свадьба уже существует на бумаге. Она со-

всем другая. Дарья приезжает на просмотр, долго стоит в галерее и проводит пальцами по листу лимона.

— Я боялась, что получится дешёвая замена.

Я показываю ей карандашную схему.

— Будет проще. Зато всё, что я сейчас обещаю, здесь есть.

Она просит ничего не добавлять ради пышности.

Следующие два дня мы собираем проект из доступных вещей. Цветы берём напрямую на оптовом рынке у знакомой Лены. Печать делает маленькая типография в соседнем районе. Свет даёт компания, которая обслуживает конференции и с Ларисой никогда не работала. Свечи и часть текстиля забираем со склада отеля.

В пятницу вечером я нахожу следы от утюга на трёх скатертях. Банкетная служба предлагает повернуть пятна к стене. Мы со Светой меняем раскладку, пока Михаил не приносит со склада четыре скатерти другой фактуры.

— Они темнее, — предупреждает он, разворачивая верхнюю скатерть на свободном столе.

Я прикладываю рядом образец салфетки. Разница есть, но в вечернем свете она уйдёт.

— Подойдут.

Михаил остаётся возле стола и смотрит на меня поверх ткани.

— Вы всё равно будете весь вечер знать, что они другие.

— Мне за это платят, — отвечаю я, складывая испорченный текстиль в отдельную стопку.

Михаил коротко смеётся и спрашивает, во сколько утром нужен кофе команде. Я называю семь. Только после его ухода замечаю, что третий день рядом со мной никто не просит «успокоиться» и не объясняет, как правильнее переживать развод.

В субботу в семь двадцать Дарья звонит из машины: визажист заболела. Света уже ищет замену, Лена поднимает контакты. Через сорок минут в номер приезжает мастер из салона при отеле.

Перед церемонией не запускается одна световая стойка. Техник Михаила меняет блок питания за ширмой, пока первые гости сдают пальто. Деревянные стулья стоят ровно, между рядами пахнет лимонными листьями и свежей зеленью.

Дарья выходит к жениху через галерею. В этот момент я впервые за четыре дня перестаю пересчитывать всё, чего у нас нет.

На банкете кухня задерживает горячее на девять минут. Я ставлю раньше тост отца невесты и музыкальный номер. Михаил освобождает служебный лифт, не заходя в зал и не забирая у меня управление мероприятием.

После полуночи Дарья находит меня у технического входа. Туфли у неё уже в руке.

— Я выложила видео. Только не ругайтесь. Сказала, что вы собрали свадьбу за четыре дня.

Она показывает телефон: галерея, лимонные деревья, первый танец. В конце Дарья благодарит меня по имени.

— Спросить сначала было нельзя?

Она улыбается виновато.

— Тогда бы вы запретили.

За десять минут ролик уже разошёлся по свадебным пабликам. В комментариях спрашивают мой контакт. Света показывает три новых запроса, Лена получает четвёртый.

Я перечитываю сообщения и впервые после того утра в агентстве открываю календарь дальше понедельника.

Михаил подходит с отчётом кухни.

— По банкету вышли в смету. Ваша часть уйдёт в понедельник.

Он кивает в сторону холла.

— Там вас ждут. Двое из банка и ещё двое. Документы показывали администратору.

Новые клиенты после полуночи так не приезжают.

В холле почти пусто. Возле окна сидят мужчина с портфелем и женщина в строгом сером костюме. Рядом двое мужчин, один показывает удостоверение и представляется Савельевым.

Сотрудница банка просит пройти в переговорную. Михаил остаётся у двери.

— Позвонить кому-нибудь? — спрашивает Михаил, не подходя ближе.

Я уже достаю телефон. После вчерашнего договора мне

особенно важно, что он снова не решает за меня, кого звать и где оставаться.

— Адвокату. Я сама.

Он возвращается к стойке. Через стекло я всё время вижу его плечо и край белой рубашки.

В переговорной сотрудница банка кладёт передо мной копию кредитного договора. Сумму приходится перечитать: сорок два миллиона рублей. Заёмщик — свадебное агентство. Договор заключён пять месяцев назад.

— Мы такой кредит не брали.

Савельев переворачивает несколько страниц.

Там договор личного поручительства. Моё имя, паспортные данные, адрес. Если компания не платит, отвечать придётся и мне в пределах всей суммы.

Подпись похожа на мою. Даже короткий хвост в конце фамилии, который появляется, когда я спешу.

Я придвигаю лист ближе.

— Я этого не подписывала.

Сотрудница банка открывает электронную выписку. Документ подтверждён моей электронной подписью и кодом. Савельев спрашивает, имел ли кто-то доступ к устройству и паролям.

Вадим годами занимался финансами. Иногда сам брал мой телефон, когда нужно было быстро подтвердить платёж.

— Муж мог знать код. Этот договор я вижу впервые.

Савельев достаёт ещё один документ.

— Тогда посмотрите протокол. По нему участники компании одобрили кредит и поручительство. Здесь указано, что вы участвовали дистанционно.

Дата приходится на день, когда я вела свадьбу в другом городе. Я помню гостиницу, плохой интернет и ночную дорогу обратно.

В протоколе Вадим указан председателем. Ниже записан мой голос «за». Рядом стоит подпись, которую я только что назвала поддельной.

Ещё ниже — строка о подтверждении протокола и фамилия секретаря.

Ксения Соколова.

Её росчерк я узнаю сразу. Вчера такая же подпись стояла в доверенности отцу.

Под моей поддельной подписью стояла настоящая. Подпись моей дочери.

Глава 9. Мама всё разрешила

— Ксения Соколова, — повторяю я, хотя фамилию уже вижу на каждой странице. — Это моя дочь.

Савельев оставляет протокол передо мной. Лист шуршит под кондиционером, потому что я так и не прижала угол. В переговорной после свадьбы пахнет кофе и погасшими свечами. Ещё полчаса назад Дарья показывала мне ролик с нашей церемонией, а теперь му

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.